

Две новеллы Ван Мин-цина

И.А. АЛИМОВ

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO691526

Статья поступила в редакцию 10.06.2025.

Аннотация: Данная публикация представляет читателю перевод двух новелл из сборника «Тоу ся лу» (投轄錄 «Записи о брошенной [в колодец] чеке [от колеса]») сунского литератора Ван Мин-цина (王明清, 1127 — после 1202). Перевод новеллы на русский язык предваряют основные сведения об авторе и его сборнике.

Ключевые слова: Старая китайская проза, эпоха Сун, Ван Мин-цин, «Тоу ся лу», история сюжетов.

Для цитирования: Алимов И.А. Две новеллы Ван Мин-цина // Письменные памятники Востока. 2025. Т. 22. № 4 (вып. 63). С. 15–22. DOI: 10.55512/WMO691526.

Об авторе: АЛИМОВ Игорь Александрович, доктор исторических наук, заведующий Отделом этнографии Восточной и Юго-Восточной Азии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Российская академия наук (Санкт-Петербург, Россия) (alimov@post.org). ORCID: 0000-0002-3235-8459.

© Алимов И.А., 2025

Сборник «Тоу ся лу» (投轄錄 «Записи о брошенной [в колодец] чеке [от колеса]») принадлежит сунскому чиновнику, историку и плодовитому литератору Ван Мин-цину (王明清, 1127 — после 1202). Он происходил из старого рода книжников: среди его предков был знаменитый ученый-эрudit и знаток канонических сочинений Ван Чжао-су (王昭素, 894–982); дед Ван Мин-цина, Ван Цуй (王萃, XI в.), также был известен своими литературными дарованиями; семейные традиции продолжил его сын, историк и книжник Ван Чжи, автор сборника *биззи* «Мо цзи» (默記 «Записки безмолвствующего»), чьим вторым сыном и был Ван Мин-цин. В юные годы он оказался в доме деда по матери, Цзэн Юя (曾紓, 1073–1135), известного эссеиста, поэта и каллиграфа, где и получил воспитание и образование. Позднее, в возрасте 18–19 лет Ван Мин-цин отправился вместе с дядей Цзэн Хун-фу (曾宏父, XII в.), сыном Цзэн Юя, в Тайчжоу (область, располагалась на территории

совр. пров. Чжэцзян), куда тот был назначен служить начальником области, а в 1147 г. они переехали к новому месту службы дяди — в Жуньчжоу (Цзянсу). В 1156 г., в возрасте 30 лет, Ван Мин-цин женился на второй дочери крупного чиновника Фан Цзы (方滋, 1102–1172) и, когда тот в 1162 г. получил назначение на пост главнокомандующего в Хуайси (сунская провинция Хайнань силу, занимала земли современной провинции Аньхой и частично Хэнани и Хубэя), отправился туда вместе с ним. В том же году Ван Мин-цин и сам поступил на службу. В 1165 г. Ван Мин-цин стал *гунгуаньгуанем* (смотрителем кумирен и храмов), потом служил по военной части в Гаою (Цзянсу), в 1172 г. был назначен *паньгуанем* (помощником начальника) в воеводство Аньфэн (также в Цзянсу), позднее стал начальником уезда Лайаньсянь области Чучжоу (располагалась на территории совр. пров. Аньхой). В 1185 г. начал служить при дворе и поселился в столице. Финансовое положение Ван Мин-цина все эти годы было весьма плачевным: он жил на иждивении родных и друзей. После 1192 г. Ван Мин-цин занимал ряд невысоких провинциальных должностей, но особого достатка так и не нажил. Жизненные неурядицы и неудачи в карьере он компенсировал литературно-историческим трудом: кроме «Тоу ся лу» он оставил после себя сборник *бицзи* «Хуэй чжу лу» (揮塵錄 «Записи помахивающего мухобойкой») в трех частях (1166, 1193, 1195 гг.) и 18 *цзюанях*; «Юй хуа» (餘話 «Оставшиеся рассказы»), дополнение к «Хуэй чжу лу» в двух *цзюанях*; а также сборник *бицзи* «Юй чжао синь чжи» (玉照新志 «Новые записи у нефритового зеркала», 1198 г.) в пяти *цзюанях*.

«Тоу ся лу» включает авторское предисловие и одну *цзюань* из 49 фрагментов¹. Лидирующая тематическая группа сборника Ван Мин-цина — всё, что связано с даосизмом в самых разных его проявлениях: бессмертные, их явление людям и взаимоотношения с ними, а также многочисленные даосы, демонстрирующие волшебное искусство, умение предсказывать будущее и дар гадателя; фрагменты данной тематики занимают примерно две пятых от общего объема сборника. Также в «Тоу ся лу» достаточно фрагментов с буддийскими мотивами — это рассказы о монахах и подвижниках, а также о воздаянии и обретении веры. Фрагменты, повествующие о душах умерших и духах, а равно записи разных необычайных происшествий представлены в незначительном количестве. «Тоу ся лу» — сборник, тяготеющий скорее к документальности, нежели к художественности: изложение здесь лаконично-простое, местами конспективное, ведь это, по сути, запись по памяти тех рассказов, которые Ван Мин-цин некогда слышал. Однако здесь встречаются и значительные по объему произведения. Важно также, что материал сборника Ван Мин-цина — почти весь новый, сунской поры, а не вариации старых историй на новый лад². Ниже читатель найдет перевод двух новелл из «Тоу ся лу»³.

¹ Основной единицей бытования текста внутри сборника является фрагмент. В обычном смысле под фрагментом понимают некий отрывок, нечто незавершенное, не имеющее начала и конца. Для целей нашего исследования под фрагментом понимается законченный текст, выступающий как единица низшей номенклатуры, завершенный в сюжетном/смысловом/эмоциональном смысле и — вне зависимости от жанровой принадлежности (в составе одного собрания это могут быть и рассказ, и новелла, и заметка, и рассуждение о стихах, и исторический анекдот; и др.). Фрагмент может быть озаглавлен (автором или последующими обработчиками текста), а может не иметь заглавия; он весьма вариативен по размеру — от нескольких строк до десятков страниц.

² Подробнее о «Тоу ся лу» см. (Алимов 2021: 432–441).

³ Перевод выполнен по изданию (Тан Сун чуаньци цзунцзи 2001: 678–687).

Книжник Цзя

Книжник Цзя происходил из гунчжоуских Цзя и приходился внуком придворному Цзя Чан-хэну⁴. Это был молодой человек изящной внешности и изысканных манер. Он был начитан, умел писать классические стихи-*ши* и стихи-*цы*, исполненные затеянного негодования и скрытой печали, большого таланта и глубоких чувств. Еще Цзя верил в Будду и истово ему поклонялся, а также с удовольствием жертвовал монахам. У Цзя было множество друзей, к которым он относился внимательно и уступчиво, отзывчиво и великодушно, и все любили его.

Цзя некогда уговорился с друзьями посетить столицу на гуляние в день Праздника фонарей. Они остановились в буддийском монастыре, что к востоку от столицы, — как раз в том помещении, где некогда проповедовалось учение Хуаянь⁵. А настоятель монастыря, монах Цы-чан, как раз изготовил пять или шесть черных халатов, где шелком было вышито название монастыря, — чтобы собирать подаяние. Цзя в шутку надел один из тех халатов и со смехом сказал:

— Сегодня вечером пойду собирать пожертвования!

И, улыбаясь, действительно отправился на улицу. Его утонченное поведение и прекрасный слог привлекли великое множество мужчин и женщин, которые наперебой подавали Цзя, так что из монастыря прислали двух дюжих монахов, чтобы помогли нести подаяние — сам Цзя в одиночку столько бы поднять не смог.

— Да ты стал настоящим монахом! — подшучивал над Цзя на следующий день его приятель.

— Столичные жители так прекрасны! — отвечал ему Цзя. — Но украдкой разглядеть их не получится. Лишь те, что просят милостыню у дороги, имеют возможность вдосталь на них наглядеться. Конечно, могут и прогнать, зато подаяние получишь — вреда не будет! А я так сделал очень доброе дело.

Ближе к ночи он опять собрался покинуть монастырь. Монахи, страстно желавшие собираемой им милостыни, всячески его к тому поощряли, и так Цзя проходил всю ночь. На следующий день его приятель еще с постели подняться не успел, как появился Цзя.

— Я уже ухожу!

Приятель хотел было поговорить с Цзя, но оказалось, что тот и вправду ушел. Вернулся на закате, достал из рукава два мандарина и ароматические курения. Вместе они насладились мандаринами, зажгли курения и стали беседовать и смеяться — всё как обычно.

Цзя с приятелем уговорились через два дня отправиться домой. Время вышло, но Цзя передумал и лишь попросил передать домашним написанное им письмо, а сам остался в столице и пробыл там вплоть до конца весны. От вернувшегося из столицы путника узнали, что Цзя завел себе женщину, сильно осунулся и выглядит совершенно истощенным. Вскоре в сопровождении другого приятеля вернулся домой и сам Цзя — по виду лишь кожа да кости! Никакие лекарственные снадобья ему не помогали. Правда, его манера держаться совсем не изменилась, разве что Цзя перестала радовать его былая наложница, и он спал теперь в своем кабинете позади главного дома в одиночестве — такая вот странность. На расспросы Цзя отвечал:

⁴ Цзя Чан-хэн (賈昌衡 XI в.) — сунский провинциальный чиновник и придворный.

⁵ Хуаянь — традиция буддизма махаяны, которая активно развивалась в танском Китае; одно из наиболее философски ориентированных направлений китайского буддизма.

— Заболел я и больше уж не могу заниматься постельными делами, надо позаботиться о себе, поберечься.

С каждым днем его истощение усугублялось. Домашние не представляли, что делать.

Однажды старушка-кормилица среди ночи отправилась проводить, как там Цзя, и услышала, что из кабинета доносится требовательный женский голос. Наутро она все рассказала братьям Цзя, и тогда стало ясно, что его недуг — от бесовской твари. Отвадить ее пробовали всеми доступными способами, но ничего не выходило. А Цзя, приняв невозмутимый вид, сказал:

— Болезнь моя коренится в расстройстве движения энергии-ци — и какая мне польза от ваших притчаний?..

В пятой-шестой луне в буддийском храме Тяньинсы проходили религиозные обряды-пуджа, и отец-настоятель пригласил братьев Цзя вместе с его друзьями присоединиться к ним. Когда было закончено ритуальное очищение постом, все отправились насладиться прохладой. Общий монастырский зал был просторен и вместителен, его со всех сторон заслоняли большие строения, так что полуденное солнце сюда не доставало и перед залом гулял прохладный ветерок. Перед закрытыми дверями длинной вереницей были выставлены лежанки, и на первую сел буддийский монах, пришедший из другого монастыря.

— Почтенные постящиеся и гости, оставьте заботы! — сказал он. — Давайте вместе предадимся прохладе, ведь все мы единоверцы.

Был сварен чай, порезана дыня, их пустили по рядам, и все стали есть и пить. И вдруг настоятель неспешно заговорил:

— В нынешнем году лишь одного человека из дома Цзя нет здесь с нами. Я слышал, он уже давно болеет. Как он сейчас, ему лучше?

Старший брат Цзя сначала замялся, а потом сказал:

— Все его беды от беса, но изгнать того мы не можем...

Тут заговорил пришлый монах:

— Если дело лишь в том, так я его изгоню.

Все тут же вскочили, пристали к нему с расспросами, и оказалось, что это монах Дао-цин с горы Тяньтайшань. Он взял освещенной земли около *dou*⁶, список мантр и заговоров и все это вручил старшему брату Цзя. Велел дождаться, когда бесовка придет, и насыпать вокруг того места земли, да так, чтобы ее полоска не прерывалась ни из-за стен, ни из-за ям в земле — нигде, а про себя при том твердить манtry. Когда же бесовка начнет криком кричать в поисках выхода, круг земли следует разомкнуть и отпустить ее, но непременно до восхода солнца.

Брат Цзя сделал, как ему было сказано. Пробили четвертую стражу, и из кабинета донеслись исполненные злости вопли, а к пятой страже⁷ вопли сменились горькими покаянными рыданиями. Старший брат Цзя окликнул бесовку, и та, признавая свою вину, сказала:

— Я дух из одного столичного храма, мне даже августейше пожалован был титул... Не могу описать, как мне стыдно! Но я была столь пленена его обликом и манерами, что не сумела сдержаться, пришла и заморочила его... Но теперь вся моя отвратительная сущность вышла наружу, и я нижайше молю вас о снисхождении!

⁶ *Dou* — традиционная мера емкости для жидких и сыпучих тел, при Сун — 6,6 л.

⁷ Четвертая стража — с часа ночи, пятая — с трех утра.

— Придешь еще? — спросил старший брат Цзя.

— Я думала, что с мою волшебною силой никто ничего не сможет поделать, а ныне я так наказана! Если вы меня отпустите, то я сполна признаю свои прегрешения и одумаюсь! И зачем мне приходить снова?

— И куда же ты направишься?

— На северо-запад.

Тогда старший брат Цзя сделал разрыв в земляной полосе примерно в чи⁸, и бесовка, рыдая и благодаря, холодным вихрем проскользнула прочь — на северо-запад.

Когда рассвело, пошли в кабинет, смотрят — а Цзя спит как ни в чем не бывало.

Брат спешно отправился благодарить Дао-цина, подарил ему двадцать тысяч монет, но тот не принял. Тогда брат Цзя вручил ему несколько десятков свертков благовоний. Дао-цин из каждого взял по одной пластинке, размером в палец с небольшим, спрятал их в бамбуковой шляпе и сказал:

— Как раз сейчас я отправляюсь на гору Улинтайшань и там, в храме Вэньшусы, воскурю их перед статуей Будды во имя благого воздаяния.

Брат Цзя спросил его о мантрах и заклинаниях.

— Всё это есть в дхарани бодхисаттвы Гуаньшиинь! — сказал Дао-цин и продекламировал одну мантру наизусть.

— Но почему они так действенны?

— Чтобы не подействовали, надо рассредоточиться в сердце, а если вы всецело укрепили сердце намерениями — непременно действуют.

Тогда старший брат Цзя спросил:

— А что это за тварь, с которой столкнулся Цзя?

— Что за вопрос! — ответил Дао-цин. — Дух ли, бес ли, злобная нечисть, лисица-оборотень — эти заклинания любую тварь заставят обратиться в бегство. Но если человек желает быть опутан любовными чарами, то при встрече с творящим зло оборотнем он потеряет разум, опустится до нечиисти и в конечном счете сам станет безголовым бесом — и тогда ни манtry, ни заговоры помочь уже не смогут. Здесь властям надо бы призадуматься!

Все слышавшие эти слова были в ужасе.

Старший брат Цзя пригласил Дао-цина в зал на угождение, после чего монах распрошался, взял посох, затянул завязки котомки, надел бамбуковую шляпу и ушел.

Через месяц с небольшим книжник Цзя почувствовал себя лучше.

— В тот первый вечер, когда я собирал подаяние, одна необычная женщина дала мне сотню золотом, — рассказал он в ответ на расспросы приятелей. — Потом усталилась на меня и заговорила со мной. На пятую ночь она настолько укрепилась в своих чувствах, что дала мне кошель, а в нем лежало письмо с предложением уговориться о свидании в небольшом садике, что на задах имения Чжанов к западу от города. А если там начнут расспрашивать — отвечать, что пришел к старшему брату. Это был как раз день, когда я ушел за подаянием один. К назначенному сроку я добрался до поместья, нашел садик, а в нем увидел охранников — словно из областной управы! Мне велели остановиться, тогда я сказал про старшего брата, и меня пропустили в стоявший там домик. Внутри я нашел ту женщину. Принесли вино... Она была так неслыханно прекрасна, что, боюсь, даже среди бессмертных дев не найти подобной! На другой день мы договорились предаться близости в одной из келий мона-

⁸ Чи — традиционная мера длины, при Сун — чуть больше 30 см.

стыря Тяньцинсы. С тех пор я стал ею одержим: мы постоянно стремились друг к другу, искали друг друга — всё, как у обычных людей... Когда я вернулся домой, ничего в этом мире меня уже не радовало и не интересовало, но и она приехала следом. Окружающие наперебой твердили разные заклинания, но женщина всё равно не уходила. Окрест моего кабинета она обвела на земле круг, превратив его в ловушку. «Да что они нам сделают!» — говорила она. Одежда, еда и питье у нее были поистине драгоценно-роскошные, красота такая, что в мире не встретишь, среди людей не сыщешь!

О, как мудры были слова Дао-цина! Люди всё гадали, чем же болен Цзя, но появился Дао-цин и излечил его — ясно же, что это было воздаяние за то, что тот поклонялся Будде! Второе имя Цзя было Сянь-чики, а его приятеля звали Сюй Дунь, второе имя Янь-чжоу, и он был земляк Цзя.

Даос Свиное рыло

В начале годов под девизом правления Сюань-хэ (1119–1125) в Лояне появился даос. Он то сочинял и декламировал на ходу неритмичные стихи, то торговал вразнос персиками, грушами, абрикосами и всем в таком роде — таскал на коромысле. Частенько рассказывал людям, что их ждет в будущем и не надеялся на вознаграждение за это. Горожане, поскольку нос у того даоса был длиннее обычного, прозвали его Даос Свиное рыло.

Даос жил в Лояне уже долгое время. А там обретались Цзя Мяо и Ли Хуань, отпрыски богатых семей, прославившиеся расточительством, самонадеянные молодые люди, любившие заводить знакомства и решать дела, — неоднократно они звали даоса выпить с ними, и тот соглашался. Бывало, до и *доу* вина доходило, а пьян даос не становился.

Однажды они прогуливались близ города, и даос спросил:

— Господа, не проголодались ли вы?

Достал из-за пазухи бумажный сверток — в нем оказались зерна пшеницы — бросил их на землю, словно посадил, и через короткое время пшеница заколосилась, созрела. Даос вылущил зерна из колосьев, смолол из них в руке муку — даже наземь просыпалась! Добавил воды и приготовил лепешки, положил их за пазуху, а когда через мгновение достал — лепешки уже и поддумянились! Бросил лепешки на землю, и дохнуло обжигающе-горячим жаром — можно есть! И все гулявшие, включая слуг, несколько дней после того не испытывали голода, а Цзя и Ли стали относиться к даосу с великим почтением.

В обычай лоянцев было высаживать персиковые деревья. Стоял разгар лета, когда Цзя и Ли выставили вино в домашнем саду, в павильоне у воды.

— Я могу сделать так, что весь пруд будет покрыт цветами персика, раскрывшимися в цветах лотоса! — заявил даос.

Достал из-за пазухи комок земли, перемешанной с разным мусором, и бросил в воду. Вино еще не дошло до середины, как в чашечках цветов лотоса начали потихоньку распускаться персиковые бутоны. Заскользили по водной глади — листья и цветы столь гармонично оттеняли друг друга, что красота получилась неимоверная. Местные жители, узнав о том, охали от восхищения и наперебой стремились полюбоваться цветами. Те заявили лишь через несколько десятков дней.

И другие волшебные умения, которые являл даос, были вроде этого.

У Ли был свояк, некто Чэнь, свитский. Его сместили с должности начальника области на юго-востоке, и Чэнь снял жилище в Лояне. Он был весьма знатного происхождения и содержал во внутренних покоях более десятка прелестниц, но среди них особенной красотой выделялась одна, по имени Юэ-чжэнь. Наложниц своих Чэнь никому не показывал — ни родственникам, ни друзьям. Однажды Ли во время весенних гуляний случайно столкнулся с Юэ-чжэнь, и глаза их встретились. Ли вернулся домой, но образ прекрасной девушки неотрывно стоял у него перед глазами. И он стал думать о Юэ-чжэнь беспрестанно.

В один прекрасный день к Ли явился даос.

— Я прекрасно знаю, чем заняты ваши мысли! — сказал он. — Давайте мы с вами прогуляемся?

Они вышли за город и отправились в древний храм. Там даос поднял камень размером чуть больше пальца, передал его Ли и велел:

— Рисуйте этим на стене!

Ли сделал, как было велено. Провел камнем по стене — и в ней открылся проход, словно дверь! Ли вошел туда: уединенная комната, расшитый полог... Ли понятия не имел, где очутился. Приподнял полог — а это оказалась опочивальня Юэ-чжэнь! Ли испугался, и обрадовался, и стал легонько тормошить девушку, чтобы проснулась.

— А я ведь на днях вас видела, судары! — обрадованно сказала ему Юэ-чжэнь. — И уповала, что вы всякий час вспоминаете меня!.. Но ведь все двери накрепко заперты, как же вы смогли проникнуть сюда?

Ли не стал раскрывать ей всей правды, но заговорил о том, какие трудности ему пришлось преодолеть.

— Вы так близко принимаете меня к сердцу, о ученый муж! — восхитилась Юэ-чжэнь.

Тут она непринужденно выставила легкое угощение, а после Юэ-чжэнь и Ли достигли самых вершин близкой радости. Ли оставался у нее две ночи подряд, пока наконец не собрался уходить. Он отыскал путь, которым пришел, шагнул, потом услышал за спиной скрип затворяющейся двери, а когда обернулся — стена оказалась целой, точно, как раньше! Видит: даос.

— Вы почему про меня забыли и столько времени не возвращались? — спросил тот. — И где ваш камень для рисования на стене?

— Ой, я случайно его где-то выронил! — признался Ли.

Даос велел Ли спешно искать камень.

— Захотите еще разок туда попасть, только с помощью этого камня и войдете, а иначе никак! — сказал он.

Как и следовало ожидать, после случившегося Ли захотел снова прийти к Юэ-чжэнь — и пришел. Чувства их стали тесными-претесными. Так пролетел год.

Однажды Ли, напившись пьян, случайно рассказал обо всем Цзя, и тот вознамерился отправиться вместе с Ли.

— Что ж, отпущенное мне время быть с вами подошло к концу, — объявил тогда даос. — Вы не ведаете осмотрительной осторожности, и от этого я не могу быть в спокойствии. Угостите меня на прощание!

Когда вино подошло к середине, даос поклонился присутствующим и сказал:

— Пройдемте к каменной горке в саду!

Там он крикнул:

— Открывайся!

ПУБЛИКАЦИИ

В горке открылось отверстие наподобие двери. Вдалеке виднелись терема, террасы, другие строения — всё, как в мире людей. Даос протиснулся в отверстие, и оно закрылось за ним, исчезло, как его и не было.

Спустя время Ли снова пришел в тот загородный древний храм, но стена больше не открывалась. Тогда Ли решил, что это был просто сон, однако послал разузнать у Юэ-чжэнь — и всё совпало, все подробности их свиданий! А ведь храм и обиталище свитского Чэня отделяли друг от друга несколько десятков *li*⁹!

Литература

Алимов 2021 — Алимов И.А. Облачный кабинет: Краткая история китайской прозы сяошоу об удивительном X–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021.

Тан Сун чуаньци цзунцзи 2001 — Тан Сун чуаньци цзунцзи: Наньбэй Сун 唐宋傳奇總集：南北宋（Полное собрание новелл эпох Тан и Сун: Южная и Северная Сун). Т. 2. Чжэнчжоу: Хэнань жэньминь чубаньшэ 河南人民出版社, 2001.

References

Alimov, Igor A. *Oblachnyi kabinet: Kratkaia istoriia kitaiskoi prozy siaoshuo ob udivitel'nom X–XIII vv.* [The Cloudy Parlor: A Concise History of the 10th–13th Century Chinese Xiaoshuo Prose about the Supernatural]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publishers, 2021 (in Russian).

Tang Song chuanqi zongji: Nanbei Song 唐宋傳奇總集：南北宋. Vol. 2. Zhengzhou: Henan renmin chubanshe, 2001.

Two Novels by Wang Ming-qing

Igor A. ALIMOV

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 10.06.2025.

Abstract: This publication presents to the reader a translation of two short stories from the *Tou xia lu* (投轄录 “Records of the Tossed Linchpin”) collection by the Song Dynasty writer Wang Ming-qing (王明清, 1127 — after 1202). The Russian translation is preceded by essential information about the author and his collection.

Key words: Old Chinese prose, Song Epoch, Wang Ming-qing, *Tou xia lu*, history of the Xiaoshuo prose.

For citation: Alimov, Igor A. “Two Novels by Wang Ming-qing”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2025, vol. 22, no. 4 (iss. 63), pp. 15–22 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO691526.

About the author: Igor A. ALIMOV, Dr. Sci. (History), Head of East and South-East Asia Ethnography Department, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (alimov@post.org). ORCID: 0000-0002-32358459.